

попытки, более благородные и более удачные, но в меньшем размере и нисколько не приближающиеся ни своим назначением, ни своим достоинством к бессмертному явлению Карамзина. А между тем великий труд Карамзина, как и всякий великий труд, отнюдь не отрицает ни необходимости, ни возможности другого великого труда в этом роде, который так же бы удовлетворил своему времени, как его труд своему. Но этот новый труд будет возможен тогда только, когда новые исторические *идеи* перестанут быть *мнениями* и *взглядами*, хотя бы и «высшими», сделаются наукообразным сознанием истории как науки, словом — *философиею истории...*

История государства Российского, сочинение Н. М. Карамзина

Издание пятое в трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов, с полными примечаниями, украшенное портретом автора, гравированным на стали в Лондоне. Издание И. Эйнерлинга. Книга III (томы IX, X, XI и XII). Санкт-Петербург. В тип. Эдуарда Праца. 1843. В 8-ю д. л., в две колонны

Карамзин воздвигнул своему имени прочный памятник «Историею государства Российского», хотя и успел довести ее только до избрания на царство дома Романовых. Как всякий важный подвиг ума в деятельности, исторический труд Карамзина приобрел себе и безусловных, восторженных хвалителей и безусловных порицателей. Разумеется, те и другие равно далеки от истины, которая в середине. Для Карамзина уже настало потомство, которое, будучи чуждо личных пристрастий, судит ближе к истине. Главная заслуга Карамзина, как историка России, состоит совсем не в том, что он написал истинную историю России, а в том, что он создал *возможность в будущем* истинной истории России. Были и до Карамзина опыты написать историю, но тем не менее для русских история их отечества оставалась тайною, о которой так или сяк толковали одни ученые и литераторы. Карамзин открыл целому обществу русскому, что у него есть отечество, которое имеет историю, и что история его отечества должна быть для него интересна, и знание ее не только полезно, но и необходимо. Подвиг великий! И Карамзин совершил его не столько в качестве исторического, сколько в ка-

честве превосходного беллетрического таланта. В его живом и искусном *литературном* рассказе вся Русь прочла историю своего отечества и в первый раз получила о ней понятие. С той только минуты сделались возможными и изучение русской истории и ученая разработка ее материалов: ибо только с той минуты русская история сделалась живым и всеобщим интересом. Повторяем: великое это дело совершил Карамзин преимущественно своим превосходным беллетрическим талантом. Карамзин вполне обладал редкою в его время способностью говорить с обществом языком общества, а не книги. Бывшие до него историки России не были известны России, потому что прочесть их историю могло только одно испытанное школьное терпение. Они были плохи, но их не бранили. История Карамзина, напротив, возбудила против себя жестокою полемику. Эта полемика особенно устремляется на собственно историческую, или фактическую часть труда Карамзина. Большая часть указаний критиков дельна и справедлива; но укоризненный тон их делает вреда больше самим критикам, нежели Карамзину. Труд его должно рассматривать не безусловно, а принимая в соображение разные временные обстоятельства. Карамзин, воздвигая здание своей истории, был не только зодчим, но и каменщиком, подобно Аристотелю Фиоравенти³, который, воздвигая в Москве Успенский собор, в то же время учил чернорабочих обжигать кирпичи и растворять известь. И потому фактические ошибки в истории Карамзина должно замечать для пользы русской истории, а обвинять его за них не должно. Гораздо важнее разбор его понятий об истории вообще и взгляд его на историю России в частности, равно как и манера его повествовать. Но и здесь должно брать в соображение временные обстоятельства: Карамзин смотрел на историю в духе своего времени — как на поэму, писанную прозою. Заняв у писателей XVIII века их литературную манеру изложения, он был чужд их критического, отрицающего направления. Поэтому он сомневался, как историк, только в достоверности некоторых фактов, но нисколько не сомневался в том, что Русь была государством еще при Рюрике⁴, что Новгород был республикою на манер карфагенской, и что с Иоанна III⁵ Россия является государством, столь органическим и исполненным самобытного, богатого внутреннего содержания, что реформа Петра Великого скорее кажется возбуждающею соблезнование, чем восторг, удивление и благодарность. В одном месте своих сочинений Карамзин ставит в вину Сумарокову⁶, что тот в трагедиях, «называя героев своих именами древних князей русских, не думал соображать свойства, дела и

язык их с характером времени». И что же? такой же упрек можно сделать самому Карамзину: герои его истории отчасти напоминают собою героев трагедий Корнеля⁷ и Расина⁸. Переводя их речи, сохранившиеся в летописях, он лишает их грубой, но часто поэтической простоты, придает им характер какой-то витиеватости, риторической плавности, симметрии и заботливой стилистической отделки, так что эти речи, в его переводе, являются похожими на перевод речей римских полководцев из истории Тита Ливия⁹. Сличите отрывки в подлиннике из писем Курбского¹⁰ к Иоанну Грозному с карамзинским переводом их (в тексте и примечаниях) и вы убедитесь, что, переводя их, Карамзин сохранял их смысл, но характер и колорит давал совсем другой. Историческая повесть Карамзина «Марфа Посадница» может служить живым свидетельством его исторического созерцания: герои ее — герои флориановских¹¹ поэм, и они выражаются обработанным языком витиеватого историка римского — Тита Ливия. Русского в них нет ничего, кроме слов. Вот, например, речь боярина московского на новгородском вече:

Граждане новгородские! князь московский и всея России говорит с вами — внимайте!

Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок: а нет порядка без власти самодержавной. Ваши предки хотели править сами собою и были жертвою лютых соседей и еще лютейших внутренних междоусобий. Старец добродетельный, стоя на праге вечности, заклинал их избрать владетеля. Они поверили ему: ибо человек при дверях гроба может говорить только истину.

Граждане новгородские! в стенах ваших родилось, утвердилось, прославилось самодержавие земли русской. Здесь великодушный Рюрик творил суд и правду; на сем месте древние новгородцы лобызали ноги своего отца и князя, который примирил внутренние раздоры, успокоил и возвеличил город их. На сем месте они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единого. Прежде ужасные только для самих себя и несчастные в глазах соседей, новгородцы под державною рукою варяжского героя сделались ужасом и завистию других народов; и когда Олег¹² храбрый двинулся с воинством к пределам юга, все племена славянские покорились ему с радостью, и предки ваши, товарищи его славы, едва верили своему величию.

Олег, следуя за течением Днепра, возлюбил красные берега его и в благословенной стране киевской основал столицу своего обширного государства; но великий Новгород был всегда десницею князей великих, когда они славили делами имя русское. Олег под щитом новгородцев прибил щит свой к вратам цареградским. Святослав¹³ с дружиною новгородскою рассеял, как прах, воинство Цимисхия¹⁴, и внук Ольгин¹⁵ вашими предками был прозван Владетелем мира.

Граждане новгородские! не только воинскою славою обязаны вы государям русским: естли глаза мои, обращаясь на все концы вашего града, видят повсюду золотые кресты великолепных храмов святой веры; естли шум Волхова напоминает вам тот великий день, в который знаки идолослужения погибли с шумом в быстрых волнах его,— то вспомните, что Владимир¹⁶ соорудил здесь первый храм истинному богу; Владимир низверг Перуна в пучину Волхова!.. Естли жизнь и собственность священны в Новгороде, то скажите, чья рука оградила их безопасностию? Здесь (указывая на дом Ярослава¹⁷) — здесь жил мудрый законодатель, благодетель ваших предков, князь великодушный, друг их, которого называли они вторым Рюриком!.. Потомство неблагодарное! внимай справедливый укоризнам!

Новгородцы, быв всегда старшими сынами России, вдруг отделились от братий своих; быв верными подданными князей, ныне смеются над их властию... и в какие времена? О стыд имени русского! Родство и дружба познаются в напастях; любовь к отечеству также... Бог в неисповедимом совете своем положил наказать землю русскую. Явились варвары бесчисленные, пришельцы от стран никому неизвестных, подобно сим тучам насекомых, которые небо во гневе своем гонит бурей на жатву грешника. Храбрые славяне, изумленные их явлением, сражаются и гибнут; земля русская обгаряется кровию русских; города и села пылают; гремят цепи на девах и старцах... Что ж делают новгородцы? Спешат ли на помощь к братьям своим?.. Нет! пользуясь своим удалением от мест кровопролития, пользуясь общим бедствием князей, отнимают у них власть законную, держат их в стенах своих, как в темнице, изгоняют, призывают других и снова изгоняют. Государи новгородские, потомки Рюрика и Ярослава, должны были слушаться посадников и трепетать *вечевого колокола*, как трубы суда страшного! Наконец никто уже не хотел быть князем вашим, рабом мятежного Веча... Наконец русские и новгородцы не узнают друг друга!

Отчего же такая перемена в сердцах ваших? Как древнее племя славянское могло забыть кровь свою?.. Корыстолюбие, корыстолюбие ослепило вас! Русские гибнут, новгородцы богатеют. В Москву, в Киев, в Владимир привозят трупы христианских витязей, убиенных неверными, и народ, осыпав пеплом главу свою, с воплем встречает их: в Новгород привозят товары чужеземные, и народ с радостными восклицаниями приветствует гостей иностранных! Русские считают язвы свои: новгородцы считают золотые монеты. Русские в узак: новгородцы славят вольность свою!

Ответ Марфы¹⁸ московскому боярину еще характеристичнее: она в своей речи ссылается на историю Рима и упоминает о готах, вандалах и эрулах!!

Скажут, мы говорим о повести Карамзина, а не об истории; нет, мы говорим о взгляде его на русскую историю и жизнь наших предков...

И однако ж мы далеки от детского намерения ставить в упрек Карамзину то, что было недостатком его времени. Нет, лучше воздадим благодарность великому человеку за то, что он, дав средства сознать недостатки своего времени, двинул вперед последовавшую за ним эпоху. Если когда-нибудь явится удовлетворительная история России, — этим обязано будет русское общество историческому же труду Карамзина, упрочившему возможность явления истинной истории России. Но и тогда история Карамзина не перестанет быть предметом изучения и для историка и для литератора, и новый историк России не раз сошлется на нее в труде своем... Как памятник языка и понятий известной эпохи, история Карамзина будет жить вечно. <...>

